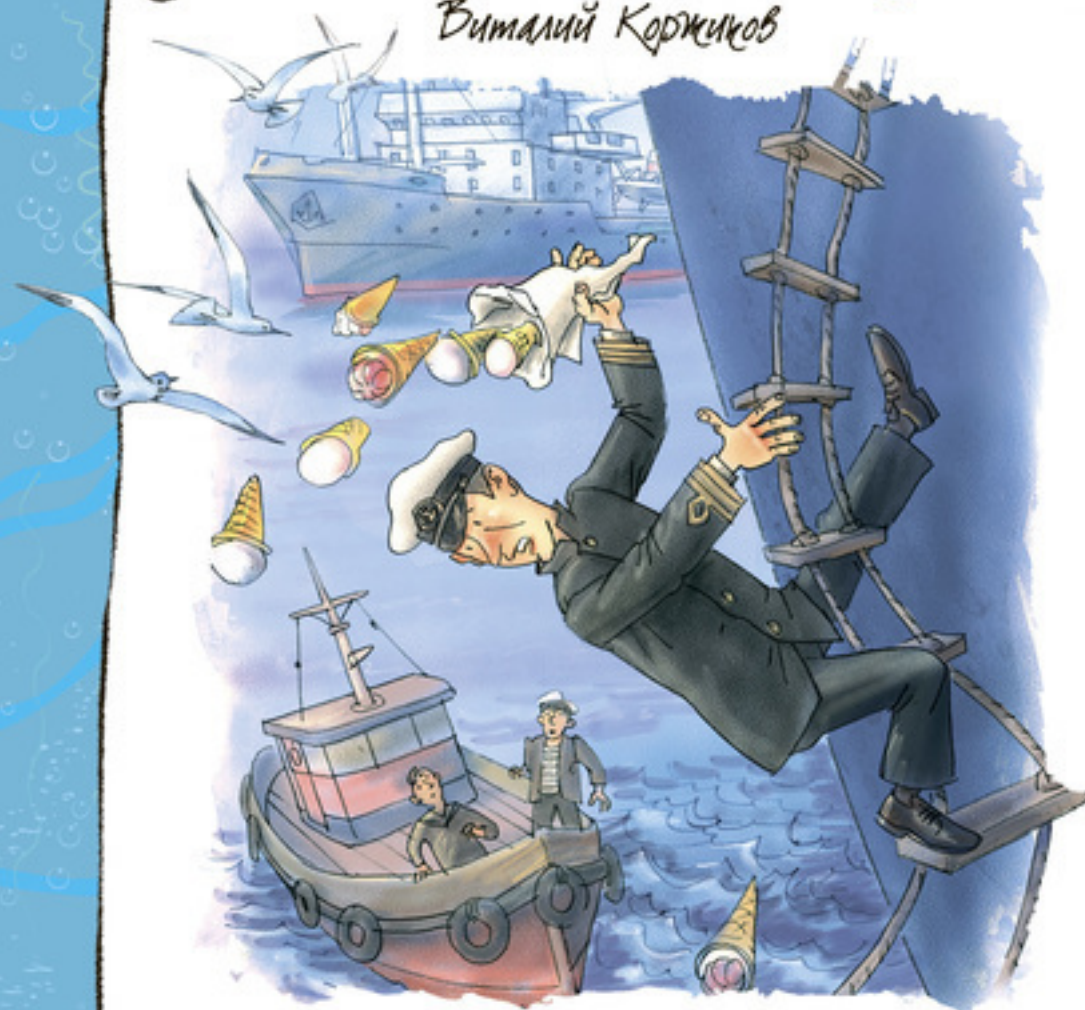

ВЕСЁЛАЯ КОМПАНИЯ

Виталий Коржиков

ВЕСЁЛОЕ
МОРЕПЛАВАНИЕ
СОЛНЫШКИНА

Machaon

Мореплавания Солнышкина

Виталий Коржиков

**Весёлое мореплавание
Солнышкина**

«Азбука-Аттикус»

1967

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Коржиков В. Т.

Весёлое мореплавание Солнышкина / В. Т. Коржиков —
«Азбука-Аттикус», 1967 — (Мореплавания Солнышкина)

ISBN 978-5-389-12020-4

Весёлая, увлекательная повесть о приключения юного матроса Алёши Солнышкина. Вместе с командой теплохода "Даёшь!" он путешествовал по морям и океанам и побывал в таких переделках, что просто дух захватывает! Но друзья никогда не падали духом, и проявленные смекалка, отвага и верность морскому братству помогали им, казалось бы, в самых безвыходных ситуациях. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-389-12020-4

© Коржиков В. Т., 1967

© Азбука-Аттикус, 1967

Содержание

Паруса! Впереди – паруса!	7
Самый счастливый человек на свете	9
Мал, мал! Подрасти немного!	11
Вот так морская жизнь!	17
Привет Пирожковой площади!	19
Сопка, на которой сошёлся весь мир	20
Весёлая жизнь	22
Каюта старого Робинзона	25
Привет Мирону Ивановичу!	29
А фуражку нужно снимать!	32
Добрый боцман Шахрай	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Виталий Коржиков

Весёлое мореплавание Солнышкина

© Коржиков В. Т., наследники, 2015

© Кукушкин А. И., иллюстрации, 2015

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2015
Machaon®

* * *

Паруса! Впереди – паруса!

В один из июльских солнечных дней проводник седьмого вагона поезда Москва – Океанск стал свидетелем удивительного события.

Накануне вечером на станции Хабаровск в вагон вошли два молодцеватых моряка. Едва они встали на подножку, вагон прогнулся и крикнул от тяжести. Один из моряков внёс на спине большой серый мешок и осторожно опустил на пол возле своей полки.

Поезд скрипнул и тронулся. За окнами заплясали сопки и начались разные таёжные штучки. С ёлки на ёлку прыгали звёзды. Следом за вагоном бежала лиса и присматривалась, не выбросит ли кто по ошибке из окна кусок колбасы. На соснах сидели совы и сигнализировали друг другу громадными глазами: «Точка – тире... Точка – тире».

Вагон качался, как колыбель. Пассажиры уснули на редкость быстро и стали так храпеть, будто соревновались друг с другом. А при каждом вздохе моряков крыша вагона ходила ходунком, поднимаясь и опускаясь, как гармошка.

– Здорово спят! – позавидовал проводник и тоже решил прикорнуть.

Он сел у входной двери, положил седую голову на руки и стал глядеть вдоль коридора. Вот из одного купе выкатился и, словно заскучав от одиночества, укатился обратно полосатый мячик. Вот на верхней полке чья-то левая нога почесала правую... Проводнику надоело на это смотреть и стало грустно. А уснуть он не мог оттого, что страдал бессонницей. Он собирался уже встать и подмести пол, но вдруг ему почудилось, что серый мешок в конце коридора неожиданно повернулся сам по себе, словно бы на ногах!..

«Стоп! Кажется, я начинаю видеть сон!» – подумал проводник.

Мешок подпрыгнул раз, другой и поскакал ему навстречу.

«Ну так и есть, – усмехнулся проводник. – Наконец-то я хоть немного вздремну!»

...Мешок скакал ему навстречу. Вот он остановился и с опаской притих.

«А ты не бойся, – весело сказал проводник, – я сейчас сплю».

Он хотел похлопать мешок сверху, но мешок отскочил.

Тогда проводник поднял руку, как семафор. Мешок, шатаясь, вывалился из коридора. Потом из него вдруг выросла рука, протянулась к стакану и открыла кран у бака с водой.

«Все хотят пить», – сказал проводник.

Но мешок промолчал, напился, поставил стакан на бак и поскакал обратно.

«Вот сейчас он станет на место, и я проснусь...»

Мешок свалился у своей полки, и проводник действительно встал. Он скосил один глаз за окно на лысые сопки, зевнул и вдруг круто повернулся к двери: в коридоре из бачка бежала вода! Кто-то пил и оставил кран незакрытым! Рядом никого не было. Проводник вдруг вспомнил свой сон и, с подозрением взглянув на пол, направился по коридору вперёд.

У матросского купе он остановился. Мешок лежал у полки, свернувшись так, будто вместе со всеми спал крепким дорожным сном.

«Странно...» – подумал проводник и хотел рассмотреть мешок поближе, но в это время один из моряков так вздохнул, что проводника отбросило струёй воздуха к стенке вагона.

– Странно! – сказал он, потирая затылок.

Но самое удивительное произошло всё-таки днём. Поезд подходил к пригородам Океанска, и пассажиры бросились к окнам. Слева шелестели деревья, а справа сверкала голубая вода океанского залива. Повсюду в вагоне опустили стёкла, и в коридор ворвался запах моря.

Проводник подошёл к морякам отдать билеты и сказал:

– Что, братцы, прибыли на океан? На родной, на Тихий?

И вдруг он отскочил в сторону. Из-под его ног рванулся мешок, из которого появилась крепкая рыжая голова и с отчаянным криком: «Где океан?» – повернулась к окну. Проводник оторопело упал на сиденье, а из мешка выкатился коренастый крепыш в залатанной тельняшке. Он вскочил на стол и, высунув в окно голову, закричал:

– Паруса! Впереди – паруса!

Поезд проносился мимо весёлых коричневых пляжей. На них, как сухари на противне, подрумянивались купальщики. А вдалеке по синей воде ловко бежали яхты и качали стройными парусами.

Самый счастливый человек на свете

«Впереди – паруса!» Это кричал самый счастливый человек на земле – Алексей Солнышкин.

Четыре дня назад его бабушка, Анна Николаевна, уборщица сельского клуба, довязала ему новый свитер. Потом положила в мешок хлеба, сала и кедровых орешков, отсчитала на дорогу тридцать потёртых рубликов и, чмокнув внука в рыжий чубчик, отправила из тайги в город – поступать в училище. Но ни в какое училище Солнышкин не собирался. Глаза у него светились, как морская вода. Десять лет ему уже снились океан, грохот прибоя и высокие корабельные мачты. И поэтому на станции, сунув рублики в окошечко билетной кассы, он попросил:

- Один до Океанска!
- Денег-то едва до Хабаровска... – сказала кассирша.
- Куда хватит, – сказал Солнышкин.

И через три дня проводница высаживала Солнышкина из вагона в Хабаровске.

Прихватив свой мешок, он обдумывал, как добираться дальше, когда на перроне появились два матроса. Они браво направлялись к седьмому вагону. Солнышкин с грустью посмотрел на них.

- Эге, кажется, человек в беде! – сказал один из моряков и остановился.
- Далеко? – спросил у Солнышкина второй.
- В Океанск, – ответил Солнышкин.
- Такой груз в мешке за спиной таскать можно, – сказал первый, окинув Солнышкина взглядом.

И через несколько минут Солнышкин, согнувшись в собственном мешке, въезжал на матросской спине в двери вагона.

Всё, что произошло потом, хорошо известно читателям, и мы можем продолжать рассказ дальше.

Солнышкин что было сил кричал:

- Впереди – паруса!

Проводник хлопал глазами, матросы смеялись.

Поезд проскочил сквозь дымный, как печка, тоннель, промчался под громадной скалой и остановился перед похожим на сказочный терем вокзалом. Слева по перрону бежали, толкаясь, пассажиры, покрикивали носильщики. А справа, среди залива, тянулись к небу десятки мачт, упирались в причал чернобокие корабли. А над заливом кувыркались чайки.

Солнышкин схватил мешок, махнул всем на прощание и выпрыгнул на перрон.

– В школу! В морскую школу! – сказал он и уже через полчаса взбирался по шумной улице Океанска к красивому белому зданию.

По направлению к школе шли капитаны. Что-то шепча, торопились глазастые старушки.

«Обгоняют!» – сообразил Солнышкин и припустил во все лопатки. Высунув кончик языка и задыхаясь, он влетел на широкие гранитные ступени.

Мал, мал! Подрасти немного!

Солнышкин потянул к себе дверь за бронзовую ручку и оказался в вестибюле. У мраморной лестницы стояли два высоких курсанта. На них были красивые форменные фуражки, руки в белых перчатках крепко сжаты в кулаки, а подбородки, казалось, были из самого твёрдого мрамора.

«Здорово!» – подумал Солнышкин и представил себя в этой форме у этой лестницы. Вот так он сфотографируется, такую фотокарточку он пошлёт бабушке!

– Как мне пройти к начальнику школы? – спросил Солнышкин, поглядывая на дежурных. Два металлических голоса торжественно произнесли:

– Коридор – налево, коридор – направо, комната – прямо!

Солнышкин кивнул: «Спасибо!» – и в три прыжка одолел ступени. Коридор – налево! Коридор – направо! Зелёные стены качались, как волны. Солнышкин летел по мягкому ковру, как яхта по морю. Флажком развевался рыжий хохолок. Вот уже сверкнула табличка «Начальник школы», и Солнышкин собирался открыть дверь, как вдруг услышал, что там, в кабинете, что-то затенькало. Будто пробежали пальцами по клавишам: «Там-та-та-там, там-та-та-там».

Он прислушался. Звуки повторились, и кто-то пропел:

– Бури нас вновь позовут,
В море герои уйдут...

Солнышкин приоткрыл дверь и увидел толстячка, сидящего за пианино. Толстячок оглянулся и лукаво спросил:

– Что, подслушиваем?

– Что вы! – Солнышкин замотал головой.

Но человек подмигнул ему: «Знаем, знаем!» – и улыбнулся.

Нужно сказать, что начальник училища в свободное время сочинял музыку. И когда он наигрывал в кабинете свои сочинения, ему казалось, что за дверью стоит на цыпочках и прислушивается целая толпа почитателей его таланта. Это прибавляло ему сил и вдохновения, и он ещё сильнее ударял по клавишам. Хор в училище распевал его песни, курсанты маршировали под его марши.

Сейчас начальник закончил новую песню «Бравые моряки». Он был уверен, что за дверью слушает вся школа.

– Ну заходи, заходи, – кивнул он.

Солнышкин вошёл и по стойке «смирно» застыл на ковре.

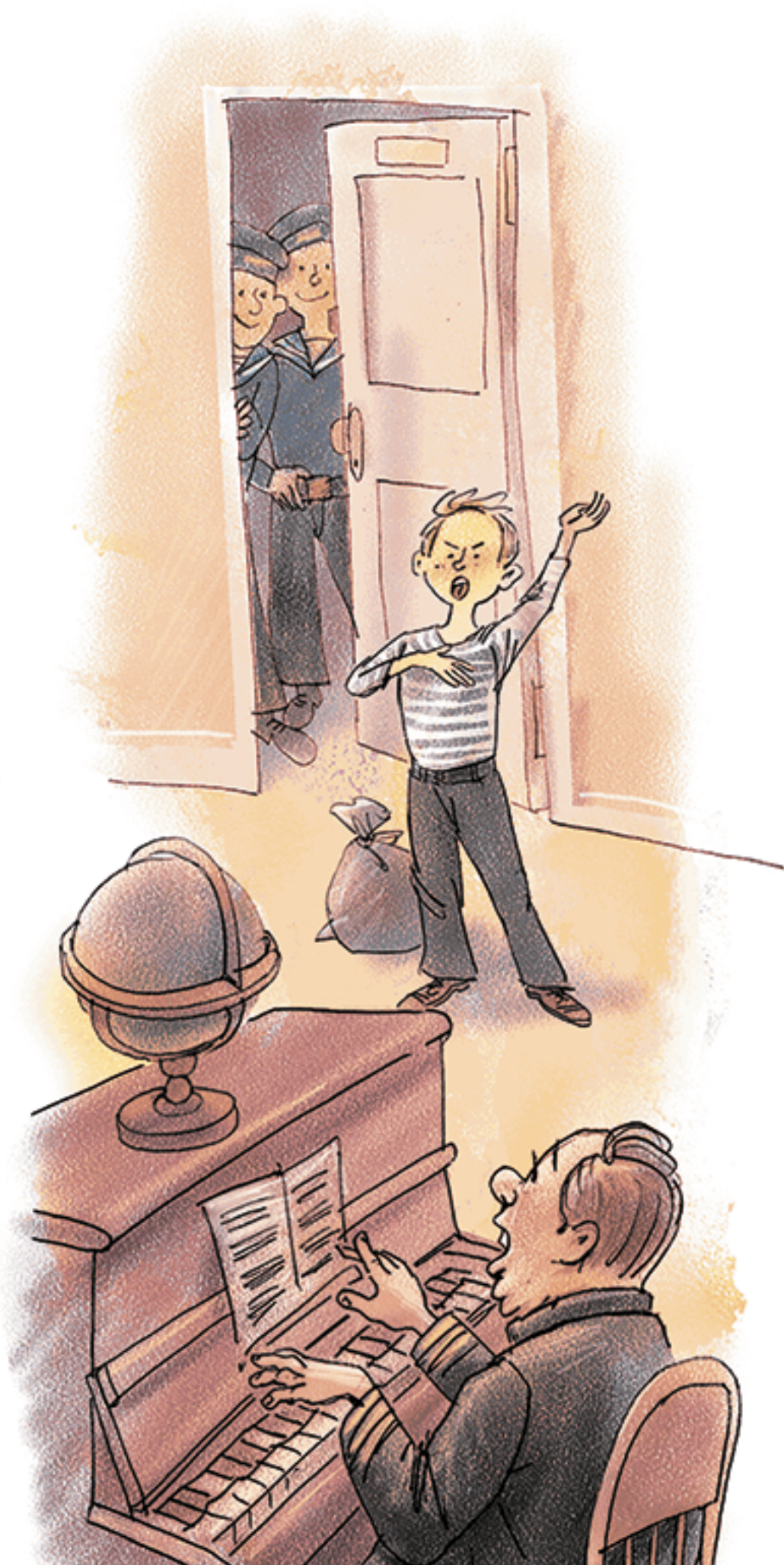
– Споём? – жизнерадостно спросил его начальник.

– Споём! – воскликнул Солнышкин.

Ему и вправду хотелось петь. Всё устраивалось великолепно! Удача летела ему навстречу на всех парусах. Даже на крышке пианино, за которым сидел начальник школы, был вырезан большой красивый парус. Начальник ударил по клавишам и снова запел:

– Бури нас всех позовут,
В море герои уйдут...

И Солнышкин стал подпевать грубоватым баском.

– Хорошо получается, – сказал начальник.

И сердце у Солнышкина подпрыгнуло от радости.

– Хорошо поёшь! – повторил начальник и повернулся к Солнышкину: – На каком курсе учишься?

– Поступаю на первый, – отрапортовал Солнышкин. – Буду учиться на первом!

– Хорошо, – сказал начальник. – Очень хорошо придумал. В море должны идти люди с крепкими голосами. Где документы?

Солнышкин вытащил из кармана новенькую хрустящую метрику.

– А паспорт? – спросил тревожно начальник.

– А паспорт я через два года обязательно получу, – сказал Солнышкин.

Начальник заглянул в метрику, потом опустил руку на клавиши так, что они горько всхлипнули, и вздохнул:

– Хорошо поёшь, Солнышкин... А принять не могу. Мал, мал! Подрасти немного, и мы ещё споём с тобой такие песни!

Солнышкин будто полетел с мачты в холодное море. Песен он больше не слышал. Зато почувствовал, как на губах и глазах появились солёные капли. Но упрашивать и вступать в ненужные споры Солнышкин не умел. Он вышел на улицу и, когда проходил под окнами, услышал знакомый голос:

– В штормы матросы уйдут...

Звучал он теперь грустно. В горле у Солнышкина защемило.

Но через несколько минут солнце и морской ветер высушили слёзы. А рыжий чубчик Солнышкина снова затрепетал, как флажок. Над городом синело жаркое небо. Толпы людей торопились к пляжу. Солнышкин шагал вместе со всеми. И чем ближе он подходил к берегу, тем быстрее испарялись грустные мысли.

– Подумаешь: подрасти! Да я и так уйду в матросы! Сколочу плот, парус есть, – он пощупал мешок, – а удочку раздобуду! Главное, рядом океан! Куда хочешь – туда и плыви!

Запахи моря кружили ему голову. Он видел уже, как плывёт на плоту по сверкающему океану, и совершенно неожиданно очутился в коротком переулке.

Переулок упирался в невысокий дырявый забор. Солнышкин остановился. За забором слышался плеск волн и раздавались самые настоящие морские команды: «Полундра! Вира помалу! Майна!» А дальше поднимался высокий нос парохода. Солнышкин прибавил шаг.

Через минуту он уже протиснулся сквозь узкую дырку в заборе и прыгнул на каменный причал. Слева покачивался катер. Грузчики по трапу вкатывали на него большие бочки. Справа к причалу прижимался боком большой красивый пароход. На носу у него было написано название: «Даёшь!» Борт парохода щекотали прозрачные солнечные зайчики. По иллюминаторам прыгали сопки и облака. Под килем играли зелёные волны, и на дне шныряла стайка мальков.

Пароход, видимо, собирался в дальнейшее плавание. И всем своим видом призывал: «Даёшь, Солнышкин! В Индию? Даёшь! В Мексику? Даёшь! Даёшь, Солнышкин! Стоит только забраться на борт!»

Солнышкин улыбнулся.

«Смелей, Солнышкин!» – сказал он себе и направился к трапу. Но едва он сделал шаг вперёд, как возле его уха что-то блеснуло и шлёпнулось в воду. Солнышкин вскинул глаза и увидел над бортом толстую, как у кота Базилио, голову и волосатые руки. Это был матрос парохода «Даёшь!» Петькин. Он нёс вахту у трапа и, чтобы не терять зря времени, ловил рыбу.

Рядом с ним насвистывал кубинскую «Голубку» матрос Федькин.

– Как фамилия? – спросил Федькин, глядя вниз.

– Солнышкин!

– В Индию собираешься?

– Ага! – обрадовался Солнышкин.

– И в Австралию согласен?

У Солнышкина едва не остановилось сердце. Он кивнул головой.

– И за чем же дело? Только парохода не хватает?

– Только парохода! – крикнул Солнышкин.

– Пустяки, – махнул рукой Федькин. – В универмаге «Детский мир» в третьей секции сколько угодно! Три рубля штука – новейшей конструкции. Заплатил – и валяй! В Австралию, в Индию, в Антарктиду...

Солнышкин чуть не подавился от обиды. Он хотел послать Федькина самого топтать за трёхрублёвым пароходиком. Но в это время толстый Петькин крикнул:

– Есть! Попалась! – и выдернул из воды жирную камбалу. Глаза у него сразу засветились. – Ты Федькина не слушай, – сказал он. – Видишь катер? – Он показал глазами на катер с бочками. – Хорошая посудина! Может, возьмут на камбуз картошку чистить. А плавать всё равно где. Вода везде солёная. А покачает больше, чем в океане!

– И это называется морская жизнь? Таскать бочки, чистить картошку? – Чья-то тяжёлая ладонь хлопнула Солнышкина по плечу. Он оглянулся. – И это называется морская жизнь, а, Солнышкин?!

Сзади стоял длинный детина в белой рубаше с галстуком, по которому карабкалась нарисованная обезьяна. Вытянутый нос у него всё время раздувался и как-то странно вращался слева направо.

– Разве это моряки? От их парохода даже компотом не пахнет. А как они принимают товарищей? Разве они что-нибудь понимают в морской дружбе?! – презрительно усмехнулся детина и положил Солнышкину на плечо руку. На ней синими буквами было написано: «Дружба – закон моря».

Потом он повертел головой, нос у него повернулся резко влево и устоялся в сторону большого парохода.

– Идём, Солнышкин, со мной, идём! – Здоровяк, как полководец, указал пальцем на пароход. – И ты поймёшь, что есть ещё на свете морская жизнь и есть на океане настоящие моряки!

Солнышкин не успел подумать, а ноги его уже оторвались от земли и в ушах засвистел морской ветерок.

Слева так и мелькали мачты пароходов. Солнышкин едва поспевал за своим неожиданным покровителем. Ноги у него устали от ходьбы. В животе урчало. Но он не унывал! Тем более что навстречу от пароходов всё сильнее неслись запахи котлет, жареной картошки и молодого чеснока.

«Всё будет хорошо!» – думал Солнышкин.

Конечно, если бы Солнышкин знал, что впереди него шагает известный всему флоту бездельник и гуляка по прозвищу Васька-бич, если бы он знал, что и галстук с обезьянкой, и хрустящую рубашу Васька месяц назад одолжил на вечер у знакомого моряка, а ботинки – у знакомого повара, что завтракает он на одном, обедает на втором, а ужинает на третьем пароходе, то, может быть, Солнышкин думал бы по-другому.

Но ничего этого он, понятно, не знал и гордо шагал за Васькой. Скоро показалось большое судно, с которого кранами выгружали металлолом. Камбуз судна был приоткрыт, и оттуда поднимались клубы пара. Васька немного сбавил шаг, потянул носом воздух и процедил сквозь зубы:

– Т-к-с, щи из кислой капусты, макароны с ливером...

И он снова потащил Солнышкина по причалу.

– Идём, Солнышкин! Не будем унижаться возле каждой посуды из-за каких-то паршивых макарон.

Они подошли к аккуратненькому, как игрушка, пароходiku с чёрной трубой и яркими иллюминаторами. Они собирались миновать и его. Но с камбуза раздался крик:

– Привет, Васька! – И на палубу выбежал в белом фартуке кок с кружкой компота в руке.

– Салют! – ответил Васька.

– Куда торопишься? – спросил кок.

– Куда ведёт мой верный компас! – подмигнул Васька.

– А ты всё не плаваешь? – удивился кок.

Васька развёл руками.

– Для моей персоны ещё не построили достойного судна!

– Давай к нам, – пригласил кок и с удовольствием отпил из кружки компот.

– Не! – засмеялся Васька, окинув взглядом кружку с компотом. – Не пойдёт! Не пойдёт!

Пароход у вас большой, а компот маленький! – И он махнул Солнышкину рукой: – Вперёд, Солнышкин! У больших людей должны быть большие цели и большой компот!

Скоро над лесом мачт и труб поднялась корма громадного парохода. Он красовался на воде недалеко от берега. Это от него неслись запахи котлет и чеснока.

Вот так морская жизнь!

Кок парохода «Старый добряк» Бабкин был в самом приподнятом настроении. Дважды он успел побриться и поодеколонить свои красные щёки. С десятков раз он примерял перед зеркалом самый чистый колпак и разглядывал себя с придирчивостью модницы. Он выглядел так браво, что капитан перед ним чуть не стал по стойке «смирно». На старости лет Бабкин надумал жениться и ждал сегодня в гости невесту, у которой был день рождения.

По этому поводу он готовил ей подарок.

Два дня Бабкин размышлял, а на третий испёк красавец торт и стал разукрашивать его самыми вкусными кремами. Посреди торта Бабкин выложил из белого крема якорь и решил изобразить на его лапах двух голубков. Он уже нарисовал кремовую голубку и с нежностью выдавливал из трубочки крем на крылышко толстенького счастливого голубя, как в дверь камбуза вошёл его старый знакомый Васька-бич и с ним круглоголовый парнишка с мешком на плече.

– Привет! – сказал Васька.

У Бабкина от этого голоса перехватило дыхание. Он прикрыл торт полотенцем. Но Васька так засопел, что полотенце чуть не улетело вместе с тортом. Тогда Бабкин загородил его спиной и живо спросил:

– Васька, котлету хочешь?

– Две! – сказал Васька, но тут же задумчиво сощурил глаза.

– Ладно, четыре! – поспешно согласился Бабкин и стал пятиться к печке, не выпуская торта из поля зрения.

Солнышкин стоял сбоку. Наконец-то он находился на палубе! Щёки его горели, а язык уже чувствовал вкус настоящей флотской котлеты.

Но тут случилось нечто такое, что надолго запомнилось всем присутствующим.

Едва Бабкин повернулся к пылающей плите, Васька откинул полотенце и, как ножом, проворно выкроил длинным пальцем кусок торта с голубкой...

– Хорош, хорош торт! Не хватает только орешков и ванильных палочек.

– Что? – испуганно спросил Бабкин.

– Орешков и ванильных палочек.

– Что? – спросил ещё раз Бабкин. И вдруг завопил: – Вон! – И с размаху запустил в Ваську котлетой. За котлетой полетела горячая сковорода.

Васька, согнувшись, бросился к выходу. Солнышкин замигал и недолго думая тоже кинулся за ним. Он чувствовал, как по его спине колотили вилки, ложки, тарелки. А Бабкин в отчаянии и ненависти метал вслед всё, что попадало под руку.

– Вору! – взвыл Бабкин и швырнул кастрюлю с макаронами как раз в тот момент, когда на трапе появилась его невеста.

Макароны облепили её с ног до головы. Кастрюля шлёпнулась о стенку. А мимо невесты вслед за гостями пронёсся рассвирепевший жених. Васька выскочил уже на трап. Но Солнышкин услышал за спиной крик: «Ах жулики! Ах тунеядцы!» – и получил ногой такой пинок, что пролетел по причалу и уткнулся головой в забор.

«Ничего себе! Ничего себе! – подумал Солнышкин. – Вот так морская жизнь! Получать за кого-то синяки и шишки!»

Он стал потирать ушибленные места, но тут из-за забора показалась Васькина голова и донёсся ободряющий голос:

– Настоящий моряк должен пережить всё, Солнышкин!

Но Солнышкин промолчал.

Привет Пирожковой площади!

От голода у Солнышкина так кружилась голова, что готова была взлететь в воздух вместе с рыжим чубчиком. Но на пароход он сейчас не пошёл бы с Васькой ни за какие отбивные!

Однако Васька и сам резко изменил направление.

Он посмотрел в сторону океана, потом повернул нос к берегу и вдруг воодушевился:

– Солнышкин, пошли! Пирожковая площадь всегда приютит пострадавшего моряка!

Солнышкин с подозрением посмотрел на Ваську, но тот уже стремительно шагнул и на ходу разводил руками:

– Что поделаешь, Солнышкин? И у великих людей бывают ошибки! Но никаких сомнений – и, клянусь, я сделаю из тебя настоящего моряка!

Солнышкин ещё верил. Но никогда не думал, что великие люди запускают пальцы в чужой пирог.

Друзья пошли вверх по пустынной улочке, и скоро Солнышкин увидел перед собой знакомый вокзал, похожий на сказочный терем. Перед ним раскинулась площадь. От неё вкусно пахло, и десяток продавщиц с корзинами кричали, будто зазывали к скатерти-самобранке:

– Пирожки! Горяченькие, с капустой!

– А вот с мясом – свеженькие, горяченькие!

– С творогом, с творогом!

К ним выстраивались в очередь моряки, старушки, мальчишки. Кое-кто уже жевал, и пирожки нежно дымились.

У Солнышкина защекотало в горле, а Васька крикнул:

– Привет Пирожковой площади! – и мигом очутился в этой вкусно пахнущей толпе. – Вот человек, который нас угостит! – сказал Васька и хлопнул по плечу молоденького моряка.

Но моряк окинул его таким взглядом, что Васька развернулся на все сто восемьдесят градусов.

– Слушайте, бабки! – обратился он к продавщицам, глядя сверху. – Отпустите в долг! Морякам, попавшим в беду!

– В долг? – грозно спросила толстуха и угрожающе сжала ручку уже пустой корзины. У неё, видимо, с Васькой были давние счёты.

Васька зло посмотрел на неё, на Пирожковую площадь. Потом окинул взглядом Солнышкина и вдруг спросил:

– А что это у тебя в мешке? Может, ты тащишь колбасу? Может, кусок курятины?

Солнышкин даже растерялся от обиды. В мешке давно ничего не осталось, кроме майки, трусов и связанного бабушкой свитера. Солнышкин раскрыл мешок. И тут Васька, заорав: «Мы спасены!» – запустил внутрь руку.

Он вытащил свитер и засмеялся:

– Такую вещь любая мамаша купит. Продадим, Солнышкин, а?

Солнышкин недовольно замигал глазами. Он хотел объяснить, что это бабушкин подарок. Но Васька наклонился к нему:

– Эх, Солнышкин! Через неделю в Японии купишь себе десять таких и лучше. Ну, закон моря?

– Ладно! – улыбнулся Солнышкин.

«Неужто, – подумал он, – какой-то свитер, даже бабушкин, дороже морской дружбы?»

И через минуту они уже поднимались вместе с толпой на громадную сопку. Верхушка её пряталась в белом облаке, похожем на шхуну, и казалось, что люди забираются в неё по трапу.

Сопка, на которой сошёлся весь мир

Солнышкин устало отсчитывал ступеньки: «Триста тридцать одна... Триста тридцать две...» Ноги его словно стали деревянными и, наверное, поэтому так тяжело стучали о лестницу. Но Васька подмигивал:

– Солнышкин, здесь вертится весь мир! На этой сопке сошлись все меридианы!

Солнышкину хотелось увидеть мир, и он терпеливо поднимался в гору.

Наконец он переступил последнюю ступеньку и оглянулся. Далеко внизу, у подножия сопки, синел залив, по которому шли белые пароходы. За ним снова поднимались сопки. А дальше во все стороны разбежался и гудел сверкающий Тихий океан. В прозрачной дымке синели острова, и за горизонт скрывалось какое-то судно.

О ноги Солнышкина тёрся ветер. По сопке сбегали вниз дома, а над Океанском кружили чайки. Солнышкин забыл про голод и неудачи. Он едва не заплакал от счастья и сиял так, словно внутри ему ввинтили лампочку в тысячу ватт. И если бы у него были крылья, он сейчас закувыркался бы вместе с чайками.

А за спиной слышался шум базара:

– Штаны, покупайте штаны из Сингапура! Только одна дырочка на колене. Прокурил кубинской сигарой!

И вдруг раздался Васькин бравый голос:

– Свитер, свитер! Только что из Японии!

Солнышкин удивлённо повернулся. Он хотел сказать, что свитер не из Японии, а из Сибири и что связала его бабушка. Но Васька подмигнул Солнышкину и снова закричал:

– Только что из Японии, только что из Японии!

Вокруг шумела торговля. Лысый старичок совал в руки Солнышкину старые ходики с кукушкой и приговаривал:

– Бери! Сто лет куковали и ещё сто куковать будут!

Мужчина в ватнике держал в руках банку с цветными рыбами. Солнышкин хотел было остановиться, но рядом появилась толстая тётка и закричала:

– Попугай! Говорящий! Жаль, как родного сына, да деньги нужны!

В клетке вертелся белый попугай с изодранным хвостом. А продавала его старая спекулянтка, потому что попугай выдавал все её тайны. Он и сейчас выпаливал её слова: «Загоню дурака! Доведёт до милиции! Загоню дурака, доведёт до милиции!»

Солнышкин так и не оторвался бы от этого зрелища. Но вдруг Васька крикнул кому-то:

– Стёпа, здоров! – и полез обниматься с рыжим толстяком.

– Здорово, здорово, Васенька! – отвечал рыжий. – Что делаешь?

– Продаю свитер!
– Ха-ха, твой товар – моя покупательница! – сверкнул рыжий золотыми зубами. – Давай жди! – И он исчез в толпе.
– Свитер! Свитер из Японии! – ещё громче затараторил Васька. – Из Японии!
Через несколько минут толстяк выбрался из толпы с маленькой седой женщиной.
– Бери! – сказал он ей. – Что надо! Из Японии.
– Ну нет, – сказала женщина. – Это не японский, а из чистой сибирской шерсти. Будет подарок племяннику!
Она отсчитала пять пятёрок, завернула свитер в газету и пошла к лестнице.
Васька спрятал деньги в карман, хлопнул Солнышкина по плечу и подмигнул Стёпке:
«Начинается весёлая жизнь».

Весёлая жизнь

– Куда теперь? – спросил Стёпка.

– Туда! – показал весёлыми глазами Васька вниз, на ресторан «Золотой кит». – Солнышкин хочет угостить старых моряков! Так ведь я говорю, Солнышкин? – Он тут же спохватился: – Я не представил тебе моего друга. Знакомься, Солнышкин, это лучший матрос парохода «Даёшь!».

– Артельный, – подсказал Стёпка. – Вся кладовая в наших руках! – И он подбросил в руке звякнувшую связку ключей.

Солнышкин живо вспомнил пароход «Даёшь!», но Васька снова заговорил.

– Представляешь, – сказал он, – Петькин и Федькин не хотели пустить его даже к трапу! Стёпка возмутился.

– А человек в море хочет, в матросы!

– Да мы их – за борт, а его возьмём! И ночевать он сегодня будет в моей каюте. – И Стёпка снова подбросил в руке связку ключей.

– В каюте? – спросил осторожно Солнышкин, и сердце у него громко застучало.

– В моей! – сказал Стёпка.

– И койки там подвесные? – поинтересовался Солнышкин.

– Настоящие. Всё как в кино!

Солнышкин даже не верил такому счастью. Между тем друзья подходили к старому, обшарпанному зданию, на котором было написано: «Золотой кит». Из подвальчика доносилась музыка. Пиликали скрипки, пищал кларнет и крякал аккордеон.

– Так ты угощаешь нас, Солнышкин? – спросил Васька и поставил ногу на ступеньку.

– Конечно! – воскликнул Солнышкин и заглянул в дверь. Ему хотелось на славу угостить этих добрых моряков.

– Спасибо! Большое спасибо, Солнышкин! – раскланялся Васька. – Только тебе самому придётся нас подождать. Вечером гражданам до шестнадцати лет вход сюда воспрещён!

Растерянный Солнышкин хотел было сунуть голову в дверь, но мрачный швейцар в чёрной ливрее и белых перчатках так решительно направился к нему, что Солнышкин отпрянул. А день уже подходил к концу. Накатились прохладные сумерки, и по всей бухте открыли глаза ночные фонарики. На кораблях зажглись огни. И в подвальчике, у ног Солнышкина, вспыхнул свет.

У Солнышкина похолодели нос и уши. Он заглянул в окно и сквозь занавеску увидел своих друзей. Они сидели за столом у самого окна.

Перед ними громоздились тарелки с бутербродами, а посреди стола стояли кружки с пивом.

– За удачу! – сказал Васька и поднял кружку.

– За Солнышкина! – хихикнул Стёпка, проглотив бутерброд с красной икрой.

Солнышкин хотел уже стукнуть в окно и потребовать хоть кусок хлеба. Но тут за его спиной раздался укоризненный голос:

– Ай-ай-ай, молодой человек...

Солнышкин оглянулся. На него с доброй усмешкой смотрел невысокий старичок в морской форме. Солнышкин, краснея, отошёл от окна и сделал вид, что прохаживается.

А между тем, пока он прохаживался, в подвале происходили следующие события.

Стёпка допил последнюю бутылку пива и пробормотал:

– Хочу спать, пошли в каюту.

– Сейчас, только закушу, – сказал Васька и ткнул по ошибке вилкой в толстую лапу артельщика.

– О-го-го! – взвыл Стёпка. – Этак ты меня ночью укокошишь якорем! Нужен ты мне, друг нашёлся!

И когда Солнышкин в третий раз заглянул в окно, он увидел, как Васькина рука, на которой было написано «Дружба – закон моря», врезалась в Стёпкин глаз так, что по всему ресторану разлетелись искры. Один из бывалых моряков с криком «Полундра!» даже бросился заливать огонь пивом. А Васька и Стёпка тут же вылетели на улицу.

Наверное, оба друга так и легли бы под ноги прохожим. Но навстречу им бросился Солнышкин, и они вдвоём повисли на его плечах.

– Солнышкин! Солнышкин! – плакал Васька. – Спаси меня, Солнышкин! Тону! Закон моря! Матрос должен спасти своего капитана. Слышишь, вода?

Рядом и вправду булькало и плюхало, как в трюме. Это переливалось пиво в брюхе артельщика.

– Тону! – кричал Васька.

– Тонешь, давно тонешь! – раздался вдруг насмешливый голос.

Сбоку подкатила милицмейская машина. Из неё выпрыгнул молодой лейтенант, открыл заднюю дверцу и затолкал в неё обоих друзей, освободив Солнышкина от тяжёлой ноши.

– Спасём! – сказал лейтенант. – Обязательно спасём!

И машина скрылась в темноте.

Каюта старого Робинзона

Солнышкин присел на порог и стал думать, где бы устроиться на ночлег. Как вдруг опять услышал голос:

– Ай-ай-ай, молодой человек! И не стыдно?

Он обернулся и увидел прежнего старичка в морской форме. Это был известный всем морякам старый инспектор океанского пароходства Мирон Иванович. Больше всего на свете он любил море. Отправляя в океан пароходы, он мечтал о кругосветном плавании. Но так и не смог за всю жизнь выбраться в путь. Его и теперь приглашали в плавание, но он показывал на свои галоши и говорил:

– У меня теперь одно плавание. Мои старые баржи делают две мили в сутки. Одну из дому сюда, вторую – обратно.

Звали его ещё Робинзоном потому, что жил он в старом доме один. Но вспоминали его на всех морях. Вывел в люди он многих моряков. А тех, кто мечтал о плаваниях и пароходах, старый инспектор узнавал за квартал.

– Ай-ай-ай, мечтали о море и чуть не попали в милицию? – сказал Солнышкину Мирон Иванович.

– А вам какое дело? – угрюмо буркнул Солнышкин.

– А я ищу матроса на судно, которое отправляется в кругосветное плавание. Только вежливого...

– Мне не до шуток, – невесело ответил Солнышкин.

– Тем лучше, – улыбнулся старик. – Будем знакомы. Робинзон. Старый Робинзон... – И он протянул руку.

– Солнышкин, – удивлённо ответил Солнышкин.

– Ну вот и хорошо, Солнышкин. Разрешите мне пригласить вас в свою каюту. На моём корабле нет кроваток и виски. Но голландский сыр, чашка чёрного кофе и мягкая постель всегда найдутся.

Всё-таки Солнышкину везло!

Робинзон заложил руки за спину, и они стали подниматься по сопке, на которой Солнышкин уже побывал сегодня с Васькой. Только вместо облака на ней сидела громадная луна, окружённая звёздами, и заливала всё жёлтым-жёлтым светом.

Робинзон расспрашивал Солнышкина о его похождениях, и поэтому усталый Солнышкин не обратил внимания на тот удивительный факт, что они поднимаются вверх, а не спускаются к морю.

Наконец они остановились у старинного островерхого домика, который возвышался на крутой скале и отбрасывал вниз большую тень. Робинзон показал на дверь:

– Сюда! – щёлкнул ключом и сказал: – Каюта к вашим услугам!

Солнышкин нерешительно вошёл в комнату. Не веря глазам, повернул голову влево, потом вправо, потом снова влево и снова вправо и восхищённо выпалил:

– Вот это да!

Комнаты не было. Под ногами лежала корабельная палуба. Напротив двери у единственного большого окна, смотревшего на бухту, был укреплён корабельный штурвал с отполированным колесом. Вместо окон в стенах были иллюминаторы. Над одним висел барометр, а рядом с другим спасательный круг, на котором было написано: «Один за всех». На полке рядом с книгами лежала подзорная труба и розовели морские раковины.

С потолка свисали пальмовые листья. Одна стенка была сделана из пальмовых стволов, а топчан был накрыт шкурой медведя.

– Вот на этом судне и спасается старый Робинзон! – подмигнул Солнышкину старик и подтолкнул его к распахнутому окну.

Вся бухта внизу сверкала, и в темноте переливались разноцветные огоньки. В море над чёрной водой вспыхивал и гас свет маяка. Над ним светили громадные звёзды, и Солнышкину показалось, что он плывёт по далёким южным морям...

Вдруг Мирон Иванович зашмыгал носом, посмотрел в окно, потом на барометр и командовал:

– Задраить иллюминаторы, или через полчаса хижину старого Робинзона зальёт водой!

Солнышкин с сомнением посмотрел на звёздное небо и собирался возразить, но тут же громадная капля щёлкнула его по носу и по стёклам забарабанил дождь. Солнышкин стал изо всех сил закручивать винты на иллюминаторах. Он так торопился, что не заметил, как на маленьком круглом столике появились сыр, колбаса и Мирон Иванович налил из термоса в чашки ароматный кофе.

Через несколько минут Солнышкин с вымытыми руками сидел на медвежьей шкуре, потягивал вкусный кофе и собирался подумать о том, как хорошо всё устроилось. Но тут за стенами так забушевало, что весь дом задрожал и, казалось, покатился вниз. Наверху что-то треснуло, и по пальмовому листу побежала струйка. Мирон Иванович схватился рукой за голову, посмотрел вверх и крикнул:

– Солнышкин! Аврал! В судне старого Робинзона пробоина!

Солнышкин вскочил на стол, потом на подставленную табуретку, раздвинул листья и увидел в потолочной доске дырку, из которой выстрелил сучок. Солнышкин сунул в дырку указательный палец, но табуретка вылетела из-под его ног, и он повис в воздухе. Палец ныл, как зуб, в который доктор залез буром, но Солнышкин держался. Робинзон нашёл сучок, завернул в кусок старой тряпки и подставил Солнышкину табуретку. Солнышкин крепко вколотил сучок в дырку кулаком и спрыгнул.

– Молодец, Солнышкин, – сказал Робинзон, и они сели допивать кофе, которого стало от дождя вдвое больше.

Буря всё усиливалась. Внизу трещали деревья, прыгали по сопке потоки. Сбоку, сквозь щель в стене, которую старый Робинзон не заделывал нарочно, посвистывал настоящий морской ветер, и теперь Солнышкину было так хорошо, как будто он потерпел кораблекрушение и вдруг оказался на острове в гостях у настоящего Робинзона.

Глаза у него слипались, но он подошёл к окну с подозрительной трубкой и посмотрел вниз. Океан бушевал. На улицах города никого не было. Только у отделения милиции, под фонарём, приплясывали две какие-то странные фигуры. Издалека Солнышкин, конечно, не узнал Васю и артельщика, которых лейтенант выгнал протрезвиться под бесплатный холодный душ.

Солнышкин положил на место трубку, улёгся на шкуру и, хотя у него болел палец, уснул, как под хорошую корабельную качку.

...Солнышкину снились жуткие вещи. Ему приснилось, что его прямо на ходу поезда вытряхивают из мешка. Он вылетает в окно, катится по скалам и с громадной высоты падает в зелёное-зелёное море. На лету он с треском цепляется брюками за нос какого-то корабля, выскальзывает из них, а сверху раздаётся голос: «Ай-ай-ай, молодой человек...»

Он приготовился ласточкой нырнуть в воду и открыл глаза.

Над ним качал головой старый Робинзон: «Ай-ай-ай...»

Солнышкин сидел в глубокой дыре, оттого что доски под ним с треском провалились.

– Крепкая была качка, – сказал с улыбкой Робинзон и похлопал рукой по спинке топчана. – Видно, отслужил старина. Тридцать лет обеспечивал ночлег всем потерпевшим кораблекрушение. Ну, подъём, подъём!

Солнышкин вскочил, высунул в открытое окно круглую, как яблоко, голову и зажмурил глаза. Сверкало солнце, приплясывало море, свистели птицы, а под окном потихоньку булькали ручейки. Он оделся, схватил ботинки, мешок и направился к двери. Но Робинзон надел на морщинистый нос очки и повернулся к нему:

– Куда?

– Искать пароход, – сказал Солнышкин.

– А этот тебе не нравится? – спросил Мирон Иванович. – И команда получилась бы неплохая: Робинзон и Солнышкин!

Солнышкину очень не хотелось обижать старика. Он ещё раз посмотрел на штурвал, на иллюминаторы, на окно, обращённое к заливу, и вздохнул:

– Корабль что надо, да ведь он стоит на одном месте...

– Эх-хе-хе... – усмехнулся Робинзон, – что верно, то верно. Всё на месте и на месте. Все уходят в море, а Робинзон живи один, волнуйся из-за них и шагай свои две мили в сутки!

Он подошёл к большому глобусу, к которому были прицеплены белые бумажные пароходики, повернул его, и пароходики тоже завертели и побежали по голубым морям.

– Что ж, прикрепим сюда ещё один пароход, – сказал старик. – Пароход, на котором поплывёт Солнышкин.

Потом он остановился у полки, взял что-то с неё, положил в карман кителя и вместе с Солнышкиным вышел из этой удивительной хижины.

Привет Мирону Ивановичу!

На каждом шагу Солнышкин поворачивал голову то влево, то вправо, потому что из каждого переулка то и дело раздавалось:

– Мирону Ивановичу привет!.. Привет, Мирон Иванович!

А рота курсантов мореходной школы приветствовала его хором, будто старый Робинзон был сегодня именинником и одновременно командующим парадом.

Всё в городе после ливня было чисто, ярко и празднично. Пуговицы на кителе маленького сухонького Робинзона сверкали, как адмиральские ордена. Он переступал через лужи и весело помахивал всем рукой.

Вдруг из-за поворота кто-то закричал:

– Стойте! Стойте!

Робинзон и Солнышкин повернулись. По улице босиком шлёпал весь мокрый Васька-бич. Брюки у него были закатаны, в руках он держал раскисшие туфли, а с его чуба и длинного носа срывались громадные капли.

– Мирон Иванович! – заныл Васька... – Мирон Иванович, помоги. Надоела эта тунейдская жизнь...

– Неужто? – удивился Робинзон.

– Ей-ей, – заплакал Васька.

– Чем же тебе помочь?

– Дай мне хороший пароход!

– Так, так, – усмехнулся Робинзон, – ну, какой, например?

– Ну... – замылся Васька, – чтобы боцман поборей, а компот побольше.

Васька забегал то с одной, то с другой стороны. Солнышкин смотрел на него с презрением.

– Ну что ж, с превеликим удовольствием, – улыбнулся Робинзон и пошёл с Солнышкиным дальше.

Васька зашлёпал босиком сзади.

Они прошли по набережной мимо чугунного забора, мимо громадного памятника, с пьедестала которого двадцатиметровый красноармеец в будёновке трубил победу Красной армии на весь океан. Уже вдали поднялось важное океанское пароходство. И по улице, обгоняя друг друга, помчались на совещание капитаны, начальники и помощники начальников.

В это время из-за угла появился кто-то громадный и громогласно сказал:

– Батюшки! Вот это встреча! Мирон Иванович!

Солнышкин отшатнулся и увидел капитана, который был в два раза выше Робинзона. А фуражка на голове у него была такая, что налезла бы на голову двум капитанам вместе.

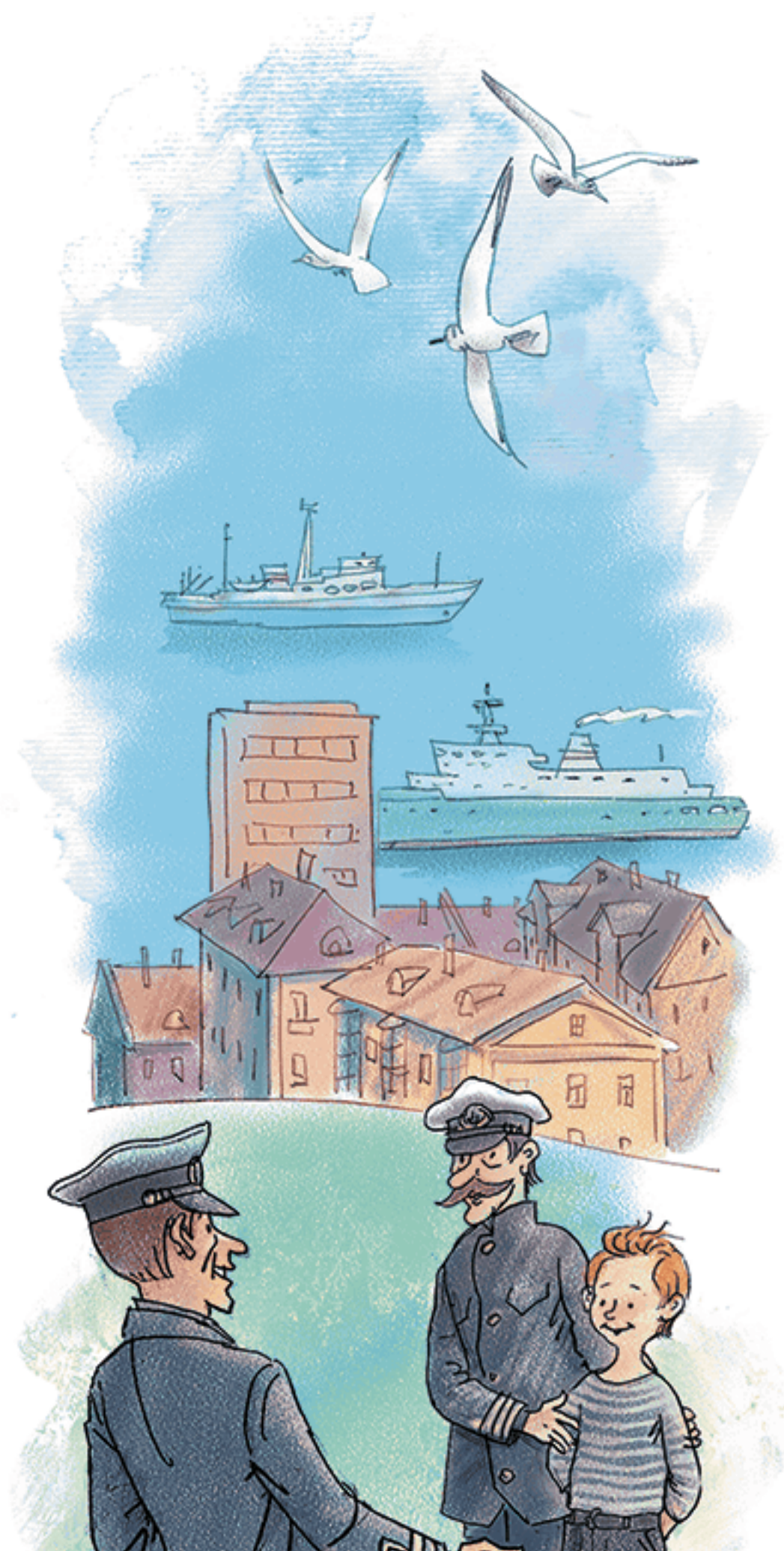
– Батюшки! – сказал капитан и стал трясти руку старому Робинзону.

– Евгений Дмитриевич, дорогой, так мы, кажется, вчера виделись, – улыбаясь, сказал Робинзон. – Даже точно виделись.

– Неужели? – удивился капитан.

И тут состоялся разговор, от которого Солнышкин весь взмок, а чубчик у него застыл от волнения.

– Евгений Дмитрич, вы помните топчан в каюте старого Робинзона? – начал старый инспектор.

– Конечно. Как же, как же! Разве можно забыть? – воскликнул капитан и вскинул руки, сверкнув золотыми нашивками. Мужественное лицо его стало добрым и внимательным. – Да, да! Я ещё провалился тогда. И подзорную трубу помню. Я ведь в неё увидел мачты своего парохода! А помните, как я затыкал пальцем дырку от сучка в вашем потолке? Помните? – И он захохотал. – Я тогда чуть не проткнул крышу!

– Ах, Евгений Дмитрич, – сказал Робинзон, – конечно, помню. А сегодня на этом месте спал ещё один мореплаватель и смотрел в подзорную трубу на мачты вашего парохода...

И он показал глазами в сторону Солнышкина.

– Так где же он? – засуетился капитан и стал оглядываться вокруг себя, будто потерял иголку и никак не мог её найти. – А, вот он! Да какой красавец, прирождённый моряк! Прирождён-ный! Немедленно выписывайте направление на пароход.

– Но он ещё молод, – сказал Робинзон.

– Ничего, это я всё улажу. Жду, жду, – сказал громовым голосом моряк и побежал на совещание.

Это был капитан парохода «Даёшь!» – Евгений Дмитриевич Моряков.

– Ну вот, Солнышкин, вот и всё, – сказал маленький Робинзон и грустно подмигнул.

Через полчаса он выписал ему направление на судно и, когда Солнышкин уже собрался бежать, остановил его. Он достал из кармана маленький бронзовый компас и протянул Солнышкину.

– Возьми, – сказал Робинзон. – Мне его подарил один старый моряк. Он говорил, что, если у человека в жизни всё правильно, стрелка компаса показывает точно на север – так держать! Если же нет, то она начинает выписывать кренделя. Может быть, это сказка. У меня он всегда показывал на север, а жил-то я, наверное, не очень правильно. Но всё-таки возьми...

Потом он вытащил из кармана пятирублёвую бумажку, дал Солнышкину и весело сказал:

– Когда-нибудь рассчитаемся!

А ещё через минуту он с самым серьёзным выражением лица выдавал направление Васье-бичу к самому доброму боцману.

А фуражку нужно снимать!

Солнышкин летел навстречу морю и кораблям.

Он бежал так, что лужи, как птицы, разлетались из-под его ног.

На щеках у него будто выросло по красному яблоку.

До слуха Солнышкина вдруг долетело чиканье ножниц, стрекот машинки, и он вспомнил, что не мешало бы зайти в парикмахерскую. Он остановился под вывеской, дождался звонка, подошёл к креслу и стал рассматривать себя в зеркале. Уж теперь-то он пошлёт бабушке фотокарточку!

Но тут в зеркале появилась вытянутая физиономия в капитанской фуражке.

– Пересадите его, – сказала физиономия и растянулась, как тесто. – Я бреюсь только у этого мастера.

Солнышкин повернул голову и хотел возмутиться. Он тоже хотел стричься у хорошего мастера. Но тут появился другой парикмахер и, как артист, пропел Солнышкину:

– А я вам не нравлюсь? Прошу, очень прошу!

И Солнышкин согласился. Не потому, что парикмахер ему понравился, а просто Солнышкин не любил обижать людей.

Капитан даже не поблагодарил его и плюхнулся в кресло прямо в фуражке. К нему тотчас подлетел мастер в белом халате. Он был такой чистенький, что на щеках у него отражались бухта, пароходы со спасательными кругами и мелькали быстрые чайки.

– У вас чудесный загар! – с подчёркнутым восхищением затеял разговор мастер. – Вы, наверное, только что из Индии?

– В Африке тоже жарко, – уклончиво ответил капитан.

– А-а-а, – с любопытством протянул парикмахер, – так вы из Африки? Ну, как там в джунглях?

Капитан почему-то промолчал, а мастер замурлыкал и стал взбивать в чашечке пушистую мыльную пену.

– Что вам, молодой человек? – пропел, как артист, второй мастер.

– Под бокс, – сказал Солнышкин и посмотрел на себя в зеркало.

Теперь сзади него стояла маникюрша и жевала булку, а сбоку отдыхала детский мастер. Она только что стригла очень упрямого мальчишку и поэтому всё ещё хваталась за сердце.

– А в джунглях свирепствуют львы, – вдруг сказал капитан. – Нет антилоп – хватают слона и глотают с бивнями!

Второй мастер так удивился, что открыл рот и машинкой начал стричь Солнышкину нос. Солнышкин дёрнулся, и мастер стал извиняться.

– Нет слона – хватают автомобиль!

«Глупые шутки», – подумал Солнышкин, но промолчал.

– Потрясающе! – сказал первый мастер.

Капитан снова замолчал. Тогда мастер стал намыливать капитану подбородок. Махал кисточкой он так, чтобы не испачкать капитанскую фуражку. Поэтому мыльные хлопья отлетали в сторону. Ляп! – и кусок пены залепил Солнышкину глаз.

Солнышкин сердито утёрся. Ляп! – и пена повисла у него на носу.

– Ну, знаете... – не вытерпел Солнышкин. – Фуражку надо снимать!

– Что? – спросил капитан.

Все мастера испуганно примолкли.

– Фуражку в помещении надо снимать, – сказал Солнышкин. – Это знают даже перво-классники!

Все застыли в ожидании. Что же произойдёт? Маникюрша от растерянности вместо булки затолкнула в рот резиновую грушу от пульверизатора, а детский мастер по привычке, как ребёнку, протянула капитану для успокоения бутылочку из-под одеколona.

– Что?! – заорал капитан. – Ну, знаете ли... Извините! Плавали – знаем! – выкрикнул он, натянул фуражку ещё глубже и с намыленными щеками выскочил на улицу.

Добрый боцман Шахрай

Солнышкин быстро забыл о происшествии в парикмахерской и подходил к пароходу. Уже издали он увидел нечто необыкновенное: вся палуба «Даёшь!» была облеплена моряками. На причале тоже стояла толпа, а на каком-то сторожевике матросы забрались даже на мачты. Все смотрели на трап парохода «Свежая камбала», по которому гордо поднимался Васька-бич.

– Васька, неужто на работу?! – кричали отовсюду.

– Разумеется, – отвечал он и размахивал направлением, которое выписал ему старый Робинзон.

Все смотрели на Ваську. Поэтому никто на пароходе не заметил Солнышкина. Один только матрос Петькин оставался равнодушным, но он удил камбалу и ничего не видел вокруг.

Солнышкин взбежал по трапу и взобрался на гору пустых ящиков из-под макарон.

– Поразительно, честное слово, поразительно! – удивлялся капитан Моряков.

– Курица медведя снесёт, – сказал Петькин.

Между тем Васька, помахивая рукой, поднимался по трапу, и нос его улавливал сладкий запах компота. Он уже видел вкусные блины, мягкую постель, тёплый уголок в подшкиперской, где можно будет отоспаться во время работы, и думать не думал, какую шутку сыграл с ним старый Робинзон.

Васька шёл с направлением к доброму боцману Шахраю. Но ведь на флоте было два Шахрая! Младший был добряк и филон и не прочь дать храпака. Зато у старшего при виде лодыря и бездельника кулаки увеличивались по крайней мере в пять раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.